

**Сборник международного
литературного конкурса
имени Шолом-Алейхема**

**ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ, НО ОЧЕНЬ
ХОЧЕТСЯ, ТО МОЖНО**

ВЫПУСК №1

Сборник

**«Если нельзя, но очень
хочется, то можно». Выпуск №1**

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Сборник

«Если нельзя, но очень хочется, то можно». Выпуск №1
/ Сборник — «Региональное отделение продюсерского
центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017

ISBN 978-5-906857-09-5

Сборник международного литературного конкурса имени Шолом-
Алейхема

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906857-09-5

© Сборник, 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Предисловие	6
Евгений Александрович Евтушенко	8
Лев Альтмарк	14
Репортаж из Газы	15
Степь да степь кругом...	25
Игорь Хентов	30
Лётчики	34
Александр-Ошер Штейнберг	36
Вера Горт	45
29 сентября – день Бабьего Яра	46
Александр Анатольевич Перчиков	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Если нельзя, но очень хочется, то можно

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Предисловие

Вряд ли российский читатель достаточно хорошо знаком с современной израильской литературой. Время от времени различные издательства выпускают книги признанных мастеров, уже зарекомендовавших себя в литературе, переводные антологии новых авторов, пишущих на иврите, но едва ли ошибусь, если скажу, что представление о русскоязычных израильских поэтах и прозаиках российский читатель имеет довольно слабое. Если какие-то книги отдельных авторов и издаются, то тиражи их невелики, и они тут же исчезают с книжных прилавков.

Интерес к таким авторам со стороны россиян вполне объясним. Авторы в подавляющем большинстве выходцы из различных регионов России, и то, что они пишут сегодня, это прежде всего послание своим землякам. Конечно же, переписки, телефонных звонков и редких посещений бывшей Родины для полноценного общения явно недостаточно.

Интерес к Израилю во всём мире велик, а уж со стороны россиян, почти у каждого из которых есть в Израиле друзья, знакомые и прежние сослуживцы, огромен.

Хоть библиография израильской литературы в российских изданиях и обширна, но, я бы сказал, грешит некоторой однобокостью. До последнего времени её представляли только авторы, пишущие на иврите. Мы не говорим сейчас о классиках еврейской литературы, писавших на идиш, таких, как Шолом-Алейхем, памяти которого был посвящён конкурсный отбор работ, представленных в этом сборнике.

Лет двадцать-тридцать назад это утверждение, может, и можно было считать верным, потому что при пропагандируемой в те годы идеологии «плавильного котла», когда не прекращались попытки создать единую израильскую монокультуру на основе иврита, русскоязычные авторы были как бы в стороне, их творчество не воспринималось всерьёз и считалось второстепенным по сравнению с литературой, создаваемой на иврите. Время показало ошибочность этой идеологии, и сегодня в Израиле с большим успехом выпускаются книги и периодические издания на русском, испанском, амхарском, грузинском и прочих языках – языках стран исхода для подавляющего количества населения страны. Работают национальные театры, культурные центры, творческие коллективы.

Но книга, которую вы держите сейчас в руках, в своём роде уникальна. Представленные в ней авторы – это молодая поросль израильской русскоязычной литературы. Многие имена не только неизвестны в России, но с ними пока мало знаком и израильский читатель. У многих представленных здесь авторов выпущено по одной-две книги, а есть и такие, для которых публикация в этом сборнике едва ли не первая серьёзная публикация.

Если на первых порах поднимаемые русскоязычными авторами темы были в основном бытовые – неустроенность репатриантов, знакомство с новыми реалиями и непривычным окружением, то сегодня авторы уже не гости, взирающие порой с недоумением, а порой и с неприязнью на новую для них страну. Сегодня это люди, твёрдо стоящие на ногах, всё большие и большие пускающие в эту землю корни и, безусловно, принявшие в себя и полюбившие этот крохотный клочок земли, для многих спорный и конфликтный, но – только не для них.

Среди авторов почти нет профессионалов, зарабатывающих на жизнь литературным трудом. Да и нигде сейчас в мире, наверное, нет такой возможности для пишущего человека. Но это ни в коей мере не сказывается на качестве текстов, в чём может убедиться придирчивый читатель книги.

Хочется поблагодарить Интернациональный Союз писателей и его руководителя Александра Гриценко за идею выпуска этой книги, за хлопоты и старания по отбору материала, за внимание к авторам и человеческую доброту.

И хоть принято относить авторов, живущих за границей, к литературе русского зарубежья, хочется верить, что нет литературы «тамошней» и «здешной», а есть только одна огромная и великая русская литература. Главное в ней – это любовь и бережное отношение к русскому языку. Если авторам-израильтянам удастся внести в неё свой скромный вклад и запомниться российскому читателю, значит, наши старания не пропали даром.

ЛЕВ АЛЬТМАРК,

член Союза русскоязычных писателей Израиля,

член Интернационального Союза писателей и координатор по Израилю

от Международной гильдии писателей.

Евгений Александрович Евтушенко

Русский советский поэт. Получил известность также как прозаик, режиссёр, сценарист, публицист и актёр.

Начал печататься в 1949 году, первое стихотворение опубликовано в газете «Советский спорт».

В 1952 году выходит первая книга стихов «Разведчики грядущего», – впоследствии автор оценил её как юношескую и незрелую.

В 1952 году стал самым молодым членом Союза писателей СССР, минуя ступень кандидата в члены СП. В последующие годы печатает несколько сборников, которые приобретают большую популярность: «Третий снег» (1955), «Шоссе энтузиастов» (1956), «Обещание» (1957), «Стихи разных лет» (1959), «Яблоко» (1960), «Нежность» (1962), «Взмах руки» (1962).

Произведения его отличает широкая гамма настроений и жанровое разнообразие. Первые строки из пафосного вступления к поэме «Братская ГЭС» (1965): «Поэт в России – больше, чем поэт», – манифест творчества самого Евтушенко и крылатая фраза, которая устойчиво вошла в обиход. Несколько поэм и циклов стихотворений посвящено зарубежной и антивоенной тематике: «Под кожей Статуи Свободы», «Коррида», «Итальянский цикл», «Голубь в Сантьяго», «Мама и нейтронная бомба».

С 1986 по 1991 год был секретарём Правления Союза писателей СССР. С декабря 1991 года – секретарь правления Содружества писательских союзов. С 1989 года – сопредседатель писательской ассоциации «Апрель». С 1988 года – член общества «Мемориал».

14 мая 1989 года с огромным отрывом, набрав в 19 раз больше голосов, чем ближайший кандидат, был избран народным депутатом СССР от Дзержинского территориального избирательного округа города Харькова и был им до конца существования СССР.

В 1991 году, заключив контракт с американским университетом в г. Талса, штат Оклахома, уехал с семьёй преподавать в США, где и проживает в настоящее время.

Сторож Змиёвской Балки

Когда все преступления замолятся?
Ведь, казалось, пришла пора.
Ты ответишь ли, Балка Змиёвская?
Ты ведь Бабьего Яра сестра.
Под землей столько звуков и призывов,
стоны, крики схоронены тут.
Вижу – двадцать семь тысяч призраков
по Ростову к той балке бредут.
Выжидающе ястреб нахохлился,
чтобы выклевывать чьи-то глаза.
Дети, будущие Михоэлсы,
погибают, травинки грызя.
Слышу всхлипывания детские.
Ни один из них в жизни не лгал.
Гибнут будущие Плисецкие,
гибнет будущий Марк Шагал.
И подходит ко мне, тоже с палочкой,
тоже лет моих старичок:
«Заболел я тут недосыпалочкой.
Я тут сторож. Как в пепле сверчок».
Его брови седые, дремучие,
а в глазах разобраться нельзя.
«Эти стоны, сынок, меня мучают,
и ещё – как их звать? «Надпися».
Я такого словечка не слыхивал,
ну а он продолжал не спеша:
«Сколько раз их меняли по-тихому,
эти самые «надпися».
Почему это в разное время
колготились, незнамо с чего,
избегаячи слова «евреи»,
и вымарывали его?
Так не шла к их начальничьей внешности
суетня вокруг слова того.
А потом воскрешали в поспешности.
Воскресить бы здесь хоть одного.
Жаль, что я не умею этого.
Попросить бы об этом небеса!
Я бы тратить всем жизнь посоветовал
на людей, а не на «надпися».

*Ростов, 13.12.14. Написано к Международному проекту
«Мужество помнить!»*

Медсестра из Макеевки

Кусками схоронена я.
Я – Прохорова Людмила.
Из трех автоматов струя
меня рассекла, разломила.

Сначала меня он подшиб,
наверно, нечаянно, что ли,
с пьянчугами в масках их джип,
да так, что я взвыла от боли.

Потом они, как сгоряча,
хотя и расчетливы были,
назад крутанув, гогоча,
меня хладнокровно доби́ли.

Машина их вроде была
без опознавательных знаков,
и, может, я не поняла,
но каждый был так одинаков.

Лицо мне замазав золой,
накрыли какою-то рванью,
и, может, был умысел злой
лишь только в самом добиваньи.

Конечно, на то и война,
что столько в ней все же оплошно,
но мудрость немногим дана,
чтоб не убивать не нарочно.

Я все-таки медсестра
с детишками в интернате,
но столько из них не спасла —
СПИД въелся в их каждую мать...

За что убивают детей
родительские болезни —
дарители столько смертей,
когда они в тельца их влезли?

А что же такое война,
как не эпидемия тоже?
Со знаками смерти она
у шара земного по коже.

За что убивают людей,
от зависти или от злобы —
как влезшие тайно микробы,
ведь каждый из нас не злодей.

Что больше – ЗА ЧТО или КТО?
Всех надо найти – кто убийцы
двух Кеннеди, надо добиться,
чтоб вскрылись все КТО и ЗА ЧТО.

Я, в общем-то, немолода.
Мне было уж тридцать четыре.
В любви не везло мне всегда,
и вдруг повезло в этом мире.

Нашла сразу столько детей,
как будто родив их всех сразу,
в семье обретенной своей
взрастила их новую расу.

В ней Кремль дому Белому друг,
и сдерживают свой норов,
и нету националюг,
ГУЛАГов и голодоморов.

А смирной О'кеевки
из нашей Макеевки
не выйдет. Не взять на испуг.

И здесь, в гаррипоттерском сне,
любая девчушка и мальчик
в подарок придумали мне
украинско-русское «мамчик»!

Над Эльбой солдатский костер
пора разводить, ветераны.
В правительства медсестер
пускай приглашают все страны.

Война – это мнимый доход.
Жизнь – высшая ценность святая
и станций Зима, и Дакот,
Макеевки и Китая.

Политики – дети любви,
про это забывшие дети.
Политика, останови
все войны в нам данном столетии!

Что мертвым – молчать да молчать?
Не хочет никто быть забытым,
но дайте хоть нам домечтать,
ни за что ни про что убитым!

Февраль 2015 г.

К властям

Проявите усилие,
Немедля, как можно скорее,
Верните евреев в Россию,
Верните России евреев!

Зовите, покуда не поздно,
На русском иль на иврите.
Верните нам «жидомасонов»
И всех «сионистов» верните.

Пусть даже они на Гаити
И сделались черными кожей.
«Космополитов» верните,
«Врачей-отравителей» тоже...

Верните ученых, поэтов,
Артистов, кудесников смеха.
И всем объясните при этом —
Отныне они не помеха.

Напротив, нам больше и не с кем
Россию тащить из болота.
Что им, с головой их еврейской,
На всех у нас хватит работы.

Когда же Россия воспрянет
С их помощью, станет всесильной,
Тогда сможем мы, как и ране,
Спасать от евреев Россию...

2012 г.

Лев Альтмарк

Родился в 1953 году в российском городе Брянске. Там же окончил Институт транспортного машиностроения, работал инженером на заводах и учителем математики в школе. В 1995 году окончил московский Литературный институт им. Горького.

Публиковался во многих российских и израильских альманахах и журналах. Среди них «Нева», «Юность», «Дружба народов», «Российский колокол» и другие. Первая серьёзная публикация – в начале 80-х повесть «Стукач» в альманахе «Ясная поляна». Переводился на иврит, немецкий и македонский языки. В настоящее время является автором шести поэтических сборников и одиннадцати книг прозы. Член Союза израильских русскоязычных писателей, Международной Гильдии писателей и Интернационального Союза писателей.

Репортаж из Газы

Пить в такую жару что-нибудь, кроме джина с тоником, любому нормальному человеку противопоказано. Конечно, пиво или прохладительные напитки не в счёт. Но разговор, который сейчас вёлся за столом, требовал именно крепких спиртных напитков.

– Послушай, – слегка запинаясь, но не от количества выпитого, а оттого, что русский язык не был его родным, вещал Янек, – мы с тобой дружим уже тысячу лет. Пять лет в одной общаге на соседних койках клопов давили, из одного немытого стакана столько водки выпили, и вообще... Друзья мы или не друзья?

– Друзья, – послушно кивал я головой, – но тут, понимаешь ли, дело такое... Политическое, можно даже сказать!

– Ничего подобного! – Янек возмущённо тряс головой и тянулся за бутылкой. – Никакой политики – сплошная коммерция. Ты посмотри на других – за доллар наизнанку вывернуты, родную мать на панель выставят, а за два доллара Родину продадут – и никаких угрызений совести!

– Ну, про Родину ты, брат, уже через край хватил! – пьяно запротестовал я. – Ты кто – агент новозеландской разведки? Зачем покушаешься на святыни? Не-ет, Родину продавать я не согласен!

– Ты это о чём?! – опешил Янек. – Я в качестве примера сказал, а ты в бочку лезешь... Я ему обыкновенную работу предлагаю, а он антимонии разводит. Да предложи я такое любому другому журналисту с минимальным знанием иврита, он не раздумывая за неё обеими руками ухватится. Пятьсот долларов за два дня – где ты здесь такие бабки срубишь? То-то и оно! Или у тебя есть какая-то более приличная работа?

– Нет, – пожал я плечами, – нет у меня более приличной работы. И более неприличной нет...

С Янеком мы вместе учились на факультете журналистики в университете, жили в одной комнате и дружили. Не то чтобы крепко, но и не ссорились. После окончания учёбы разъехались по домам и стали работать в газетах. В достославные перестроечные времена Янек вдруг вспомнил, что он словак по национальности, и быстренько перебрался из своего родного Ужгорода на историческую родину, где опять же стал работать в газете, но уже в Братиславе, а потом перешёл репортёром на местное телевидение. После его отъезда я задержался чуть дольше, но тоже со временем перебрался на свою историческую родину – в Израиль. Правда, в журналисты уже не попал из-за слабого иврита, зато перебивался всевозможными работами, весьма далёкими от творческих, хоть и врал в письмах друзьям, что процветаю и мои статьи в местной прессе публика читает запоем.

Когда Янек вместе со своей съёмочной группой неожиданно нагрянул в Израиль, он быстренько разобрался в моём плачевном положении, но до последнего времени тактично об этом помалкивал, лишь сейчас мимоходом вспомнил об этом.

– А что касается измены Родине, – продолжал он развивать свою мысль, размахивая полупустой бутылкой джина, – так никакой измены и в помине нет! Я тебе что предлагаю? Поехать вместе с нами в Газу и помочь сделать обыкновенный журналистский репортаж о жизни несчастных арабов!

– Так ведь я, израильтянин, не имею права туда въезжать! – слабо протестовал я. – С моими документами и с моей физиономией... Я же могу запросто послужить причиной нового обострения арабо-израильского конфликта! Тамошние экстремисты только и ждут момента, чтобы захватить мою безработную особу в заложники и потребовать за неё очередную тысячу своих единомышленников, парящихся на нарах в израильских тюрьмах! А то и вовсе грохнут, и вас со мной за компанию!

– Ты меня за дурака держишь? – не на шутку рассердился Янек. – Я же всё просчитал и продумал. Всё будет чик-чак, комар носа не подточит. Свои документы ты оставишь дома, а возмёшь документы нашего редактора. Он всё равно простудился при вашей-то жаре и из своего номера в тель-авивском отеле носа не кажет. Говорит, что его взялась излечить ото всех болезней какая-то местная барышня... Б-г с ним, он повсюду так лечится! А рожа у тебя почти такая же, как у него – бородастая, очки на носу и... не шибко интеллигентная!

– Спасибоочки, удружил! – обиделся я.

– Идём дальше, – не обращал внимания на мои обиды Янек. – Можно было бы, конечно, обойтись и без тебя, болтая по-английски, но хочется иметь рядом кого-то, кто хоть немного разбирается в местных реалиях и шпрехает если уж не на арабском, то хотя бы на иврите. Нам в Газе обещали дать в помощь кого-то из местных, но информация, сам понимаешь, будет однобокая. Хотелось бы полный спектр... И чтобы был тот, кому я могу доверять. А кто на эту роль может подойти кроме тебя? Я и в смету расходов специально в расчете на тебя заложил пятьсот долларов – думаешь, это легко было? За посреднические услуги такие бабки простому исполнителю не платят!

– Меня же на контрольно-пропускном пункте сразу вычислят! – не унимался я. – Знаешь, какие там физиономисты? Будешь мне потом передачи в тюрьму возить.

– Не вычислят, если сами глупостей не наделаем! Ты, главное, молчи, говорить буду я. Попросят паспорт – покажешь паспорт нашего редактора. Там на фотографии – ну вылитый ты! Вон, посмотри...

Янек вытащил из «дипломата» словацкий паспорт бедного редактора, которого в настоящий момент спасала какая-то местная барышня, и протянул мне. Редакторская физиономия и в самом деле отдалённо напоминала мою. Даже выражение глаз из-под очков было таким же.

– Что тебе сказать... – неуверенно протянул я.

...Короче, он меня уломал. Отъезд в Газу был назначен через три дня. За это время Янек должен был уладить кое-какие формальности, а я – морально подготовиться к тому, чтобы пару дней побыть не израильтянином, а гражданином нейтральной Словакии, население которой живо интересуется бытом угнетаемого израильской военщиной палестинского народа.

В назначенное время у моего дома притормозил белый джип, обклеенный со всех сторон стикерами с надписью «Пресса». Янек в походном ковбойском обмундировании вылез из-за руля и протянул мне сумку:

– Здесь одежда. Нужно переодеться, чтобы на тебе не было ничего израильского. Играть в шпионов – так играть.

В сумке оказались джинсы, просторная клетчатая рубаша и ботинки, видимо, снятые с бедняги-редактора. Наверняка они ему в ближайшие дни не понадобятся – израильские барышни нарушения постельного режима не допускают. Кроме того, в сумке лежали записная книжка и портмоне. Я не удержался и заглянул в него – куча кредитных карточек и фотография незнакомой симпатичной дамы.

– Это его жена, – комментировал Янек, – то есть на время поездки – твоя. Еленой зовут.

– А она ничего! – невесело пошутил я и тотчас почувствовал, как у меня что-то похолодело в груди. Влез в чужую шкуру, даже совершенно незнакомую женщину буду выдавать за жену, а что дальше? Влезть-то влез, а вот легко ли будет вылезать – неизвестно.

Пока мы ехали по приморскому шоссе, я безрадостно смотрел в окно и почти не прислушивался к мирно щебечущим на передних сиденьях Янеку и телеоператору, которого звали Зденеком. Рядом со мной покачивался кофр с камерой, и я изредка косился на него, будто он был главным источником неприятностей, непременно ожидающих меня в Газе.

Ашдод, а затем Ашкелон стремительно пронесли мимо нас справа по борту, и лишь когда мы проскочили последний поворот на Беэр-Шеву, после которого дорога вела прямо в Газу, Янек оглянулся на меня:

– Скоро нас будут проверять полиция и армия, смотри не сболтни лишнего. У тебя как с английским?

– Так же, как и с французским, – буркнул я.

– Тогда делай вид, что ты ничего не понимаешь. Твой родной язык – словацкий. Ты киношник, а не дипломат.

– Догадался уже, – огрызнулся я, – ты на дорогу лучше смотри, а то здесь уже не приморское шоссе, вполне можно в кювет кувыркнуться.

Дорога и в самом деле стала ухабистой, на раздолбанном старом асфальте появились песчаные пятна, на которых машину могло занести. Чувствовалось, что движение здесь не такое оживлённое, потому что контрольно-пропускной пункт Эрез, через который мы собирались въехать на территорию палестинской автономии, в последнее время работал нечасто. Каждый раз после терактов или обстрелов наших населённых пунктов его надолго закрывали, и сообщение с Газой прерывалось.

Впереди показались весёлые мигающие огоньки полицейского кордона.

– Попрошу документы, – хмуро сказал толстяк-полицейский в надвинутой на самый нос фуражке с блестящей кокардой. – С какой целью едем?

Я уже хотел было ответить, но вовремя спохватился – я же, по нашей легенде, в иврите ни бельмеса, то есть обязан быть нем как рыба.

Янек неторопливо вышел из машины и стал показывать полицейскому какие-то бумаги. Тот внимательно изучил их, медленно обошёл вокруг джипа и притормозил у раскрытых окон, вглядываясь в наши со Зденеком физиономии. Видимо, не обнаружив ничего подозрительного, махнул рукой – мол, проезжайте.

– Что я тебе говорил? Всё будет в порядке! – пропел Янек перед тем, как мы начали въезжать в закрытый терминал КПП.

– Ещё неизвестно, – скрипнул я, – может, он что-то и заподозрил. Сейчас позвонит сюда, и нас начнут шмонать по полной программе. Это тебе не Словакия, тут порядки другие!

– Не бойся, девушка! – ещё веселей пропел Янек. – Тебя никто не обидит. С нами, гусарами, не пропадёшь, но горя хлебнёшь!

Хоть в терминале и не было такого палящего солнца, как снаружи, всё равно было душно и очень хотелось пить. Широкий полосатый шлагбаум перед нами был опущен, но никто к нам не подходил.

– Что они там, заснули? – проворчал Янек и снова вылез из машины.

И сразу же из больших зарешеченных динамиков над головой раздался бодрый девичий голос, который предложил сперва на иврите, потом на арабском всем выйти из машины, предъявить документы и открыть багажник для проверки.

– Нам велели... – начал я, но Янек жестом меня остановил.

Он неспешно огляделся по сторонам и, заметив в стене окошко, сквозь которое на него глядела молоденькая девушка в военной форме, непонимающе развёл руками. Лицо девушки расплылось в улыбке, и она заговорила в микрофон уже по-английски. Янек собрал наши паспорта и походкой заправского туриста, пересекающего границу между цивилизованной страной и местностью, населённой людоедами, направился к окошку.

Откуда-то из боковой двери, которую мы поначалу не заметили, сразу же вышли двое солдат в касках, бронежилетах и с автоматами наперевес. Деловито осмотрев джип и даже заглянув в кофр с камерой, они молча удалились, и лица их были по-прежнему бесстрастными и невозмутимыми.

– Что-то они нашему визиту не шибко рады, – заметил Янек, усаживаясь за руль. – Поехали!

Шлагбаум плавно поднялся, и тяжёлые металлические ворота в конце терминала стали разъезжаться в стороны. На смену мертвенному белому свету ламп брызнуло яркое солнце, и наш джип поскорее рванул к нему, словно ворота могли закрыться прежде, чем мы выедем, и мы остались бы тут навсегда.

Выехав из терминала, Янек прибавил скорость, а я почему-то оглянулся и стал разглядывать через заднее стекло грязный серый бетон здания и высокую стену с колючей проволокой наверху, тянущуюся влево и вправо неровной бесконечной линией. И хоть стены возводили совсем недавно, под ними уже росли колючие сухие кусты какого-то древнего чертополоха, белели старые тряпки, и вообще мусора было набросано изрядно. От подобного зрелища мне стало почему-то тоскливо до слёз, словно я попал на какую-то чужую планету и пробуду здесь не два дня, как было обещано, а как минимум до тех пор, пока меня кто-нибудь спасёт.

– Чего приуныл? – поинтересовался Янек, не оборачиваясь и старательно объезжая ухабы на дороге. Голос его был по-прежнему бодрый, но всё равно в нём я уже уловил какие-то неуверенные и пугливые нотки. – Не бойся, брат, всё у нас будет нормально. Вы, израильтяне, собственной тени боитесь, а на самом деле всё гораздо проще. Не так страшен волк, как его малюют. Лично для нас никакой опасности здесь нет, мы же пресса, а прессу никто не трогает. Даже самые отсталые племена людоедов! Вот, я помню, был со мной случай в Центральной Африке...

Но слушать про Африку мне не хотелось. А уж про миролюбие и доброжелательное отношение к прессе тамошних людоедов – тем более.

– Здесь ситуация несколько иная, – только и сказал я в ответ.

Разговаривать ни о чём не хотелось, и даже словоохотливый кинооператор как воды в рот набрал. Все напряжённо смотрели в окна, но ничего интересного пока по дороге не попадалось. Только какой-то чумазый мальчишка, пасущий овец на обочине, проводил нашу машину долгим взглядом, а потом присел на камень у дороги, помахивая хворостинкой.

– План такой, – нарушил молчание Янек. – К десяти часам утра нам нужно быть в самом городе Газа. Там нас встретит ответственный работник местной администрации. Он и даст нам сопровождающего. Тогда мы сможем снимать всё, что захотим. Но... – он поднял палец вверх, не отрывая взгляда от петляющей дороги, – я думаю, что у нас есть в запасе немного времени. Почему бы не поснимать по пути? Ну-ка, посмотри по карте, мы же определённо будем проезжать какой-нибудь населённый пункт. Кто нам запретит снимать из окна джипа?

– Что ты собираешься снимать? – тоскливо поинтересовался я.

– Понимаешь, местный чиновник станет подсовывать нам стандартный набор безобразий, чтобы очередной раз разжалобить мировую общественность злодеяниями израильских солдат и жутким положением простых палестинцев. Эдакий всенародный драматический театр со сценой на всю автономию! А ты только взгляни, какие они виллы тут строят!

Я поглядел по сторонам и наткнулся взглядом на окраину приближающегося городка, которая и в самом деле была усеяна добрым десятком вполне симпатичных вилл, утопающих в зелени и окружённых добротными каменными оградами. Наверняка они построены совсем недавно.

– Богачи есть повсюду, – попробовал я заступиться за угнетённый палестинский народ, – но не они показатель достатка общества. Проблемы как раз возникают не с ними, а с бедняками...

Янек ухмыльнулся и выдал фразу, видимо, заготовленную им заранее:

– А кто мешает беднякам начать работать, потихоньку копить денежку и тем самым выбиваться из нищеты?

– Всё это не так просто, – сказал я. – А если работы подходящей нет? У меня вот, например, никак не получается копить что-то.

– Значит, нужно проявлять смекалку! Придумай что-то такое, чего до тебя ещё не было, напряги извилины, а потом уже срубай бабки!

– Думаешь, это по силам каждому?

– Если человек не дурак, то ему по силам. Что-то я среди обеспеченной публики дураков не встречал.

– Ну, а если ничего не получается придумать? – тут я уже всерьёз стал подозревать, что Янек имеет в виду меня.

– Если ничего не получается, – жёстко отрубил Янек, – то нечего и на зеркало пенять, коли рожа крива. Глупо на судьбу жаловаться и искать виновников твоих бед. Собственная лень и бездарность во всём виноваты...

Некоторое время мы опять ехали молча. В салоне джипа становилось всё жарче, и не помогал даже работающий на полную катушку кондиционер. Кинооператор Зденек очередной раз потянулся за пластиковой бутылкой с минеральной водой, но та оказалась пустой.

– У тебя случайно воды с собой нет? – спросил Янек.

– Откуда? – пожал я плечами. – Я вообще с собой ничего не брал, как ты велел.

– Придётся остановиться у какого-нибудь магазинчика и купить, – вздохнул Янек. – Надеюсь, здесь израильские шекели принимают?

– Это, пожалуй, единственное израильское, что здесь искренне любят, – впервые за сегодняшний день улыбнулся я.

– Это уж точно! – засмеялся в ответ Янек, но чувствовалось, что ему очень не хочется нарушать свои планы и тратить время на покупки.

Вдоль дороги, по которой мы ехали, всё чаще стали попадаться нагромождения камней и какие-то бесформенные руины, отдалённо напоминающие бывшие жилые дома.

– Хорошо ваши ребята поработали, – знающе оценил развалины Янек. – Если тебя какие-то негодяи исподтишка обстреливают «касамами», нужно давать сдачи открыто и по полной программе. Вот бы снять репортаж, как ваши танки метелят террористов! По всем каналам прокатали бы! А твой покорный слуга попал бы в мировую журналистскую элиту!

– Уже до тебя прокатывали подобные вещи, – желчно заметил я, – и, как говорится, не сильно они «катят». Говорят, что мы, израильтяне, воюем с гражданским населением вместо того, чтобы ловить настоящих преступников. Они, мол, на нас с палками, а мы их пушками.

– Но гибнет-то ихнего брата и в самом деле больше.

– Пускай не прикрываются бабами и детишками!

Разговаривать на подобные темы мне больше не хотелось.

Хоть мы с Янеком и друзья, но друзья – по прежней жизни. Наши взгляды и сейчас наверняка совпадают по очень многим вещам, но есть по прошествии достаточно большого времени и такое, о чём спорить лучше не надо. Просто разной жизнью мы прожили эти годы. Старую дружбу сегодня лучше не испытывать. Ничего хорошего от этого не будет.

Навстречу нам попалась группа мужчин, медленно бредущих по дороге в сторону КПП. По-моему, кроме них мы никого больше не встретили.

– Куда это они, интересно? – пробормотал Янек и притормозил. – Попробуем пообщаться с местным населением.

– На каком языке? – удивился я. – Тебе же обещали дать переводчика, но это будет в городе. Вот и дождись.

– Кто-нибудь из них наверняка знает несколько английских слов, – отмахнулся Янек, – найдём общий язык.

Первым шёл смуглый небритый араб благообразного вида в засаленной бейсбольной кепке с длинным козырьком. Он без удивления посмотрел на притормозивший джип и остановился в двух шагах от радиатора.

Оператор Зденек заёрзал на своём месте, настраивая камеру, а Янек уже выскочил наружу и вежливо поклонился арабу. О чём они начали говорить, я не слышал, но разговор между Янеком и первым встретившимся ему палестинцем носил вполне дружелюбный характер. И от столпившихся чуть поодаль остальных арабов никакой враждебности не исходило, так что можно пока не волноваться. На всякий случай я подумал, что всё-таки очень неосмотрительно разъезжать здесь без оружия или охранников. Пресса прессой, но кто может поручиться, что местная публика знает о её неприкосновенности?

Пока оператор снимал беседу с арабом, я безразлично осматривался по сторонам, и вдруг до меня дошла в общем-то простая, но удивившая меня вещь. Состояние одиночества и какой-то тоскливой неприкаянности, посетившее меня, едва за нами захлопнулись железные ворота КПП, было уже знакомо мне и прежде. Я испытывал его и раньше, в первые дни после приезда в Израиль. Мне казалось, что всё рухнуло, и в России я неосмотрительно оставил то, без чего нельзя дальше жить, – тепло обжитого очага, взаимопонимание и уважение друзей, а то, что я умею и хочу делать, здесь никому не нужно и никогда уже не пригодится. И, кажется, нет сил изменить что-то в своей жизни. Сегодня я чувствовал нечто подобное. Но всё, от чего я так неосмотрительно отказался сегодня, осталось не где-нибудь, а за железными воротами КПП, вовсе не так далеко, как в первый раз. Но что такое «далеко»? Давно уже ясно, что в современном мире даль измеряется не расстояниями, а преградами, преодолеть которые тебе пока не по силам. За железными воротами, от которых мы всё дальше удалялись вглубь Газы, сегодня осталось всё, без чего мне трудно жить. Даже воздух мне казался здесь совершенно иным, которым и дышать труднее. Вот только эти ворота – преодолимая ли преграда? Станный вопрос...

Наваждение какое-то, подумал я и стал наблюдать за Янеком и арабом. Оператор тем временем уже осмелел настолько, что вылез из джипа и стал снимать остальную публику. Ах, с каким удовольствием они позировали ему на фоне руин, протягивали руки и всем своим видом показывали, как тяжело здесь живётся!

Наконец интервью и съёмки закончились, и мои попутчики вернулись в машину.

– А теперь вперёд на всех парусах! – скомандовал Янек и рванул с места. – Время нас поджимает, а проехать нужно ещё порядочно. – И уже мне: – Ну, что скажешь?

– А что говорить? – удивился я. – Откуда мне знать, о чём вы разговаривали?

– Твоё общее впечатление.

– Арабы как арабы. Бывают и похуже...

– Ох, и не любишь ты их! – расхохотался Янек. – Эти люди последние годы работали в Израиле, и, когда их пропускали через КПП, каждое утро к четырём часам утра приходили сюда. Отсюда их уже на израильской территории забирали автобусами и развозили на работу. Кого куда. Вечером они так же и возвращались. Теперь, когда из-за ракетных обстрелов КПП закрыт, их не пропускают.

– Куда же они идут тогда?

– Надеются, что, может быть, КПП на время откроют. В Газе-то работы нет вообще, а у каждого из них большая семья, которую нужно кормить. Вот они и рвутся в Израиль.

Оператор Зденек что-то весело проговорил, и Янек перевёл:

– Он говорит, что пускай их кормят те, кто стреляет ракетами по вашим городам. Только воевать наверняка легче и дешевле, чем кормить своих бедняков!

– Золотые слова! – подтвердил я. – У тех, кто стреляет, совсем другие цели. – И, памятуя о том, что меня взяли в эту поездку как человека, более или менее искущённого в местных реалиях, прибавил прописную истину: – Им нужно уничтожить Израиль и выгнать с этой

земли евреев. А голодные и безработные всегда будут, тем более в мусульманском мире. С этой проблемой ещё ни одна страна не справилась.

– Ни фиги себе, этак ты скоро их даже оправдывать станешь! – хмыкнул Янек, но продолжать дальше не стал.

По большому счёту, я человек совершенно не воинственный, и хоть мне далеко не всё равно, с кем выпивать за одним столом и делить кусок хлеба, особых предрассудков по отношению к кому бы то ни было у меня нет. Собственный куцый опыт давно научил меня делить людей не по национальности или вероисповеданию, а по степени негодяйства и по отношению к ближнему. Правда, поступками человека частенько руководят не его личные качества, а ситуации, в которые он попадает, но ведь и совесть же должна быть... Мысль, конечно, оригинальная, но пока её не проверишь на собственной шкуре, ни за что не убедишься в её справедливости.

Тем временем пейзаж за окном джипа начал постепенно меняться. Разбитые артиллерийскими и танковыми снарядами здания и горы строительного хлама сменились домами относительно целыми, а неистребимый мусор, сваленный кучами то здесь, то там, имел уже вполне мирное происхождение. Впереди замаячили улицы и кварталы небольшого городка.

– Бейт-Лакия, – сверился по карте Янек, – здесь-то мы и купим воды. Но долго задерживаться не будем. А ты, – он кивнул кинооператору, – на всякий случай приготовь камеру, снимаем через окно.

Разбитая дорога, по которой катил наш джип, незаметно перешла в центральную улицу, тоже грязную и неухоженную, с проплешинами бело-рыжей земли на асфальте, но уже с какими-то подобиями бордюров и тротуаров. Вдоль дороги тянулись сплошные невысокие стены, сложенные из необработанного камня, и это придавало городку какой-то диковатый средневековый вид.

У первых же распахнутых ворот с большой вывеской на арабском мы притормозили. Однако это оказался не магазин, а местный «автосервис», где ремонтировали автомобили. Хозяин «сервиса», плотный седой мужчина в синей майке и расшитой шапочке, похожей на тибетейку, жестами показал, что нужно проехать ещё несколько кварталов, и там уже будут магазины. Воды он нам не предложил, хотя Янек и показывал жестами, что умирает от жажды.

– Странные они какие-то, – подытожил он, едва мы отъехали от ворот, – живём вроде бы уже в двадцать первом веке, а здесь ещё не кончились времена Гаруна Аль-Рашида.

– Смотри, – сказал я, оглянувшись в заднее стекло, – не такие уж здесь средние века. Мужичок-то в тибетейке кому-то названивает по сотовому, не иначе как сообщает о нашем визите. Ох, нехорошие у меня предчувствия...

– Типун тебе на язык! – отмахнулся Янек. – Начитался всяких страстей-мордастей, и теперь тебе черти всюду мерещатся! Мало ли кому он звонит. И почему это должно касаться именно нас?!

– Если у этого бритого старика Хоттабыча есть сотовый телефон, то почему бы ему, спрашивается, не иметь в загашнике и автомат Калашникова? – не унимался я.

– Следуя твоей логике, – поддел меня Янек, – у тебя за пазухой тоже вполне может находиться граната или, скажем, гранатомёт. Рванёшь на хрен его автосервис, и будет мужичок вместе с остальными трудящимися каждое утро в четыре часа бегать на КПП... Мы же пресса, и они видят это! Не бойся, нас никто не тронет.

Его уверенность не очень-то сильно подбодрила меня. Каким бы наивным и несведущим я ни был в местной ментальности, мой опыт общения с арабами был несравненно больше, чем у Янека. Хотя бы уже тем, что я жил по соседству с ними, а он приехал сюда впервые.

Ближе к центру городок постепенно преображался. Бордюры вдоль дороги стали ровней, тротуары чище, замелькали белые минареты мечетей, двух-и трёхэтажные здания стали более ухоженными. Больше стало вокруг автомобилей и прохожих. Чтобы наблюдать за невиданными ранее женщинами в чадрах, Янек и Зденек опустили стёкла, и в машину хлынули уличные запахи. Но и запахи здесь были совсем другие: вместо пыльного и сухого жара камней в наши носы ударили приторные и сладковатые запахи восточного базара.

Зденек вопросительно посмотрел на своего начальника, но тот отрицательно покачал головой:

– Остановимся только купить воды, не больше. Время поджидает. А поснимать арабский рынок ещё успеем. – Он посмотрел на меня и прибавил: – Насколько я знаю, в любом израильском городе есть точно такой же рынок, а за прилавками те же арабы!

– Это ты точно подметил, – усмехнулся я, и от сердца у меня немного отлегло.

Неожиданно откуда-то из бокового проулка навстречу нам выскочила обшарпанная грязно-белая «субару»-тендер с высокими грубо приваренными бортами кузова. В кузове стояло человек восемь парней, и лица у некоторых были замотаны белыми платками-куфиями. У каждого в руках было по автомату, и все они размахивали оружием в воздухе, что-то кричали и грозили нам кулаками. Выглядело это всё как в кадрах хроники – набивший оскомину сюжет о боевиках, скрывающих свои лица от методично отстреливающих их израильских спецназовцев.

Янек неуверенно вдавил тормоз, но тут же в нём взыграла журналистская жилка:

– Отличные кадры! Быстренько снимаем...

– Какое – снимаем?! – возмутился я. – Сейчас они нас остановят, выволокут из машины за шкуру и утащат с собой! Тебе не терпится побывать в роли заложника?

– Не сгущай краски, мы же пресса! – прошипел Янек, не оборачиваясь, но останавливаться не стал, а наоборот, попытался вывернуться и объехать машину с боевиками.

– Не делай глупостей! – уже закричал я. – Разворачивайся, и удираем отсюда!

Янек резко крутанул руль, и джип чуть не кувыркнулся, чиркнув бампером о какой-то каменный столбик.

– Скорей, скорей! – причитал я, не сводя взгляда с боевиков.

А те сперва опешили, видимо, не ожидая от нас такой прыти, потом опомнились и загалдели ещё громче. Послышался сухой треск автоматной очереди, но стреляли пока не по нам, а в воздух. Вокруг было достаточно много людей, и стрелять на поражение они опасались. Наверняка не сомневались, что нам от них никуда не уйти.

– Что я говорю?! – не переставал кричать я. – Пресса? Да какая ты для них, к чёртовой матери, пресса?! Гони скорей назад, пока живы!

От резкого толчка камера вылетела из рук Зденека, и он нагнулся, поднимая её, стряхивая пыль и смешно матерясь по-русски. Но было совсем не до смеха. Раздался хлопок, и на стекле, на том самом месте, где мгновение назад была его голова, расцвела причудливая паутинка от удара пули.

Теперь уже Янеку мои уговоры были не нужны. Он вывернулся и рванул по улице с такой скоростью, что у нас засвистело в ушах. Мы быстро уходили от «субару», в кузове которой боевики по-прежнему размахивали автоматами и что-то кричали нам вслед. Но больше не стреляли, и это было хорошо.

Перед самым выездом из городка дорогу нам преградила ещё одна машина – серый «пежо», из которого выскочили трое мужчин с автоматами.

– Что теперь будем делать? – прохрипел Янек, сжимая пальцы на руле. – Они же точно стрелять станут!

– Дави их! – закричал я. – Бей их машину!

– Но это люди!

– А ты через минуту будешь покойником!

По всей видимости, становиться покойником в ближайшее время в планы Янека не входило, поэтому он вдавил педаль газа до упора, и джип, подпрыгнув кузнечиком, устремился прямо на тройку автоматчиков, едва увернувшись в сторону. Мы врезались в заднее крыло «пежо», отбросили его в сторону и, слегка виляя и подпрыгивая на ухабах, понеслись по пустой улице. Вслед нам громыхнули автоматные очереди, и скрипучие металлические градины забарабанили по нашему джипу сзади.

Вильнув на повороте, мы выскочили из города и понеслись по направлению к спасительному КПП. Больше в нас никто не стрелял, но мы всё равно летели на полной скорости, и наш мотор ревел так, как, наверное, не ревел никогда раньше. Однако в салоне было тихо, лишь тяжело сопел Янек да слегка поскуливал перепуганный насмерть кинооператор, так и не рискнувший подняться с четверенек. Он непрерывно смотрел на паутинку на ветровом стекле и на подголовник своего сидения, в котором застряла расплюснутая пуля. Мной неожиданно овладело полное безразличие, и я сидел на своём заднем сиденье, откинувшись и закрыв глаза.

Какие можно сделать выводы из нашего неудавшегося путешествия? А никаких! Мне бы, человеку «сведущему», следовало предусмотреть последствия, но ведь кто-то же более мудрый разрешил Янеку на вполне официальном уровне посетить Газу! Неужели этот мудрец знаком с ситуацией здесь хуже меня?! Глупость какая-то! Но раздумывать об этом не было сил. Меня почему-то даже начало клонить в сон. Я тупо разглядывал приближающиеся ворота КПП, а потом и вовсе закрыл глаза.

Нас встретил зелёный армейский броневичок с узкими оконцами, забранными густой металлической сеткой. Безучастно я перевёл Янеку приказ остановиться, прозвучавший из рупора на броневичке. Потом попытался переводить слова обступивших наш джип солдат, и Янек меня всё время останавливал.

За воротами, уже на нашей территории, нас встретили машины полиции и «скорой помощи». После недолгих расспросов нас всех троих погрузили в «скорую помощь» и увезли в больницу на обследование.

Янека и меня выпустили сразу, а кинооператора Зденека оставили подлечить нервы. Очутившись за воротами больницы, мы некоторое время стояли в раздумьях, потом я поймал такси, и мы поехали ко мне домой снимать нервный стресс.

– Как ты думаешь, тебе сильно влетит? – нарушил затянувшееся молчание Янек, едва мы выпили по первой и принялись жевать наспех наструганный мной салат из огурцов и помидоров. – Ведь в полиции и армии сразу раскусили, что никакой ты не словацкий гражданин, а самый что ни на есть израильтянин.

– Не знаю, – пробормотал я, – но уж точно по головке не погладят. Хотя что они мне могут сделать? В тюрьму посадят? Максимум, штрафанут или запретят на какое-то время выезд за границу. Второе мне не грозит – всё равно денег на поездки нет...

Янек потихоньку приходил в себя и даже пытался острить:

– Да и штрафовать тебя бесполезно. Думаю, и на это у тебя денег не хватит. Вот только если в тюрьму посадят – это куда реальней. Но не переживай, я тебе буду передачи присылать.

Я молча налил ещё по одной и, не дожидаясь, выпил.

– Не убивайся, братишка, – Янека уже понесло, – в тюрьме ты человеком станешь. Там у вас, говорят, питание приличное, дисциплина, всякие спортивные мероприятия. И специальность приобретёшь ходовую – столяра или какого-нибудь слесаря-сантехника. Выйдешь на волю – будет чем кусок хлеба зарабатывать... Да, кстати, – он полез в карман и вытащил портмоне, – вот твои пятьсот долларов. От себя добавляю за перенесённые страдания ещё стольник...

– Забери деньги, – мрачно сказал я, – не нужно мне ничего...

– Ты их честно заработал, – беззаботно махнул рукой Янек. – Не твоя вина, что репортаж мы так и не сделали. Но как-нибудь выкрутимся. Кое-какие видеоматериалы сохранились, а впечатлений у меня столько, что на пару приличных статей для газет вполне хватит...

– Забери деньги, – повторил я, – дело не в них.

– А в чём?

– Я просто дурак по жизни. Не надо было соглашаться на эту поездку в Газу. И тебя надо было отговорить. Может быть, из-за меня всё и произошло.

– Ты ни при чём. Я журналист, и у меня было задание сделать репортаж.

– И всё равно, не нужна была эта поездка.

– Что произошло, то произошло. Не комплексуй. Эта поездка уже вошла в нашу с тобой историю. Будет что вспомнить на смертном одре. Я же всем своим знакомым буду рассказывать о ней! Представляешь, сколько я после такого рассказа дамочек в койку уложу?!

– Как хочешь, а деньги забери, – снова сказал я и отвернулся. – Как от этой поездки не было ничего хорошего, так и от этих денег мне не будет пользы...

– Вот ты о чём! – расхохотался Янек. – Суеверный ты, брат! Чепуха это всё полная! От денег не бывает ни пользы, ни вреда. Как ты сам ими распорядишься, так и будет. Если ты негодай, то и употребишь их во зло, а ты, насколько я знаю, человек совестливый и хороший...

– Ой, только об этом не надо, а то я разрыдаюсь.

– Бери, пока я добрый, больше уговаривать не буду! – Янек поглядел на часы и вздохнул. – Засиделись мы тут с тобой. Дел-то у меня непроворот. В Тель-Авив нужно лететь, отчитываться перед начальством. Да и в компанию заскочить, где джип брали в аренду. Ещё тот понос разгребать придётся...

Провожать себя он не разрешил. Некоторое время я наблюдал из окна, как он выходит из подъезда, подходит к краю тротуара, машет рукой и что-то жестами объясняет подъехавшему такси, потом садится рядом с водителем и уезжает.

Ближе к полудню, когда наступает пик жары, улица пустеет, и всё вокруг погружается в спячку. Лишь горячий пустынный ветер гонит по асфальту обрывки каких-то бумаг, сухой мусор и пустые пластиковые пакеты.

Я перевёл взгляд на стол с остатками нашего пиршества. Между тарелок сиротливо лежали пять стодолларовых купюр и чуть поодаль ещё одна. Этих денег вполне хватит мне на месяц, а то и на два. Мне бы радоваться, да что-то особой радости не было.

Я полез в душ, и только под резкими холодными струями мне стало наконец легче. Я подставлял лицо под самый рожок душа и ловил губами струи. Вода казалась мне чуть солоноватой. А потом я неожиданно понял, что из моих глаз катятся слёзы. Солоноватый вкус воды, наверное, от них...

Степь да степь кругом...

Каждый раз, когда я пересекаю контрольно-пропускной пункт и несусь на своей машине по пустынной дороге в сторону арабского города Хеврона, мной почему-то овладевает какое-то отчаянное и безумное веселье. Я принимаюсь орать в полный голос какую-нибудь с детства любимую песню. Что-нибудь вроде «Ехал на ярмарку ухарь-купец...» или «По диким степям Забайкалья...», и голос мой почему-то в эти минуты фальшив до невозможности. Хотя, по утверждениям знакомых, петь я могу вполне прилично и слух меня не подводит.

Но тут ситуация совсем другая. Пение действует на меня как боевой клич на индейца, который выходит на тропу войны против бледнолицых. Тут следить за правильностью пения некогда. Надо следить за дорогой и за вероятной опасностью, которая может подстеречь за каждым поворотом.

А дорога и в самом деле причудливо изгибается, петляя вокруг холмов и больших нагромождений камней, ныряет в долины и вгрызается в перевалы. Ведёт она от поселения к поселению, очень напоминающая ветку дерева, которую на тонких ножках-ответвлениях облепили листья – окружённые высокими решётчатыми оградами с массивными раздвижными воротами два-три десятка домов, и у ворот всегда дежурят солдаты в касках, бронжилетах и с автоматами в руках. В этих поселениях живут наши люди. Кроме того, повсюду здесь разбросаны арабские деревни, которые охранять незачем – с нашей стороны никакой опасности для них нет.

Хоть дорога на Хеврон внешне и кажется пустынной, это не совсем так. Помимо наших машин – гражданских с жёлтыми номерами, полицейских с красными или военных с чёрными, здесь полно арабских машин с белыми или зелёными номерами. Арабских, пожалуй, больше. Помимо всего, здесь часто можно встретить едущих на осликах арабов в чалмах и смуглых оборванных пацанят, пасущих отары овец. Наших поселенцев поодиночке или даже группой здесь не встретишь – опасно совершать даже самые безобидные прогулки. Хоть живущие здесь арабы и считаются относительно нейтральными, но фортуны лучше не искушать.

Я тружусь в поте лица в поселениях, в тамошних иешивах, школах и детских садах. Каждое утро чуть свет несусь в какое-нибудь поселение, ближе к концу дня получаю по телефону распорядок работы на завтра, и это, как правило, всегда что-нибудь новенькое. Почему моё начальство поступает так, для меня тайна за семью печатями, вероятно, у него на этот счёт имеются какие-то свои причины. С одной стороны, это неудобно, с другой стороны – так даже интересней, потому что я лучше познакомился с этой отнюдь не туристической местностью, куда ни при каком другом раскладе просто не попал бы. Носит эта местность название Хар-Хеврон.

Каждый раз я несусь на предельной скорости по дороге и ору гнусавым голосом русские песни. Их размашистая хулиганская удаль, как ни странно, более подходит для езды по этой дороге, нежели слащавая и меланхолическая напевность израильских песен. Парадокс, но это так, и редкие мои попутчики-поселенцы, которых я прихватываю на КПП, без долгих раздумий соглашались со мной. Даже те, кто русских песен никогда в жизни не слышал.

Сегодня у меня выходной, но всё равно еду, потому что нужно выручать из беды мою старинную приятельницу Ольгу. Вообще-то беды пока ещё никакой нет, но вполне может случиться.

А всё дело в следующем. В одном из здешних поселений у Ольги есть хорошие знакомые, которые постоянно приглашали её погостить. Да и Ольге, как журналистке одной из русскоязычных газет, очень хотелось познакомиться с бытом поселенцев, резко отлича-

ющимся от того образа жизни, что ведём мы, безвылазно сидящие в крупных городах. Да только не было времени, текучка заела. Но, в конце концов, Ольга всё-таки решилась. На рейсовый автобус, идущий напрямиком в поселение, она опоздала. «Доберусь тремпом, на перекладных», – решила она. Я же, когда узнал об этом, тайком и не без ехидцы подумал: деньги, зараза, решила сэкономить на проезде!

Тремпом можно путешествовать по Израилю бесконечно. Всегда найдётся добрая душа, которая притормозит около тебя, едва махнёшь рукой у дороги, и, если по пути, с удовольствием подвезёт тебя хоть на край света. И откажется от денег, если у тебя возникнет безумная мысль предложить оплату за проезд.

Тремпл Ольга нашла сразу, но возникла некоторая проблема, о которой она сбивчиво поведала мне по сотовому телефону. Оказалось, что подобравшая её машина направляется не в то поселение, что ей нужно, а в соседнее. Но её высадут на перекрёстке, от которого километров пять до цели её путешествия. Там имеет смысл подождать некоторое время, и непременно появится какая-нибудь машина, следующая именно туда, куда ей нужно. «Только будьте, девушка, внимательней и не сядьте случайно в машину к арабам, даже если те и согласятся подбросить в нужном направлении. Арабов к поселениям близко не подпускают, так что учтите это. Цели у них могут быть самые разные».

Оказавшись на перекрёстке, Ольга легкомысленно решила, что волка бояться – в лес не ходить, а какие-то несчастные пять километров для неё, бывшей спортсменки с внушительным стажем длительных туристических походов на прежней родине, альпинистки и байдарочницы, – да это вообще ничто! Максимум час ходьбы, тем более в её лёгком рюкзаке была бутылка с водой, в руках сотовый телефон, а на ногах кроссовки. Арабы? Да разве её, успевшую несколько лет поработать в прежней российской жизни в милиции и повидавшую немало опасного уголовного отребья, напугаешь какими-то арабами?!

И Ольга отправилась в свой очередной туристический поход лёгким спортивным шагом и с лёгким сердцем. Больше километра она прошагала в гордом одиночестве, пока её не нагнала какая-то машина. Приглядевшись, она разобрала, что в машине не арабы, и весело махнула рукой. Вопреки ожиданиям, машина не притормозила, а наоборот, прибавила ходу. Немного удивившись, Ольга пошла дальше. Но и следующая машина с поселенцами не подобрала её. Что-то здесь не так, решила Ольга, но отчаиваться причин пока не было: она прошла уже полдороги, к тому же солнце начало садиться, и жара спала. Потянул прохладный ветерок, и идти стало совсем приятно.

В почти сгустившихся сумерках Ольга, слегка запыхавшись, подошла к воротам поселения. «Ну вот, я на месте», – обрадовалась она, но не тут-то было. Солдат, охраняющий ворота, вышел из своей будочки и направил на неё автомат. Ольга попыталась объяснить ему, кто она такая и куда ей нужно. Но на иврите это у неё не особенно получилось, а проскользнувшие русские слова только насторожили солдата, и он даже передёрнул затвор. Жестом он показал ей уходить и больше не приближаться к ограде поселения.

Тут уже Ольга растерялась не на шутку. Телефон её приятелей, как назло, не отвечал, а ситуация, в которую она попала, никакому логическому объяснению не поддавалась. Как быть? Не ночевать же на голых камнях у ворот поселения, за которыми в окнах уютных домиков уже начали зажигаться огни! А тьма становилась всё гуще и гуще. Идти назад к перекрёстку? Но кто даст гарантию, что в такое позднее время там окажется тремп, на котором она вообще доберётся хоть куда-нибудь? Она уже имела счастье убедиться, что не все поселенцы такие отзывчивые и добросердечные, как ей расписывали раньше. Оставался последний вариант: позвонить мне и попросить помощи. Что Ольга тотчас и сделала.

Хоть мне и не очень хотелось в свой выходной собираться, вешать на бок надоевший пистолет и нестись в ночь за пятьдесят километров от дома, но делать было нечего, Ольгу нужно выручать.

Я ехал и по привычке фальшиво орал песню «Степь да степь кругом...» Только сейчас я до конца понимал страдания бедняги-ямщика, замерзающего в неласковой, прокалённой солнцем израильской степи. Тот хоть мог передать через кого-то непонятного колечко для любимой, а с бедной Ольгой даже общаться отказались. Единственное, чем она отличалась от ямщика, – это наличием сотового телефона, которому такая роскошь, вероятно, не была положена по штату.

От размышлений по поводу того, чья участь предпочтительней – ямщика или Ольги, меня отвлёк пейзаж окружающих холмов. Хоть я и люблюсь им пару раз на дню, приезжая и уезжая с работы, но не любоваться не могу. Внешне эти каменистые нагромождения, усеянные низкорослыми кустарниками, похожими на зелёных ёжиков, неподвижны и неизменны, но на самом деле это вовсе не так. Осенью и зимой, когда идут дожди и здесь полно влаги, холмы оживают. Нет, на них не расцветают прославленные израильские маки и прочая цветочная благодать. Подобная роскошь произрастает в долинах. Здесь сухие ёжики кустарников наливаются тёмно-зелёной силой мелких твёрдых листиков и, кажется, набухают, пытаясь слиться друг с другом и обволакивая неровные каменистые площадки, за которые удалось зацепиться своими цепкими корешками. Эти ёжики словно ползут куда-то по своим неспешным ежиным делам, а потом снова возвращаются на свои места, на свои обжитые трещинки в камнях. Но и летом под раскалённым солнцем они не высыхают, такие же зелёные и округлые, словно держат круговую оборону, только немного съёживаются и отдаляются друг от друга. И словно наблюдают за стремительно проносящимися мимо них машинами.

Сейчас, в быстро сгущающемся мраке, камни всё ещё светлеют в последних лучах солнца, а ёжики кустов совсем уже тёмно-серые. Скоро всё вокруг зальёт своими чернилами ночь, и лишь фары редких автомобилей будут выхватывать из мрака несколько метров асфальта и отсвечивающие ёлочки дорожных указателей.

Я проскочил перекрёсток, с которого Ольга начала своё путешествие, и немного сбавил скорость. Вдруг она отправилась мне навстречу? Да и дорога стала более извилистой, поднимаясь в гору. Наконец далеко впереди показали первые огоньки поселения, ворота которого всегда ярко освещены и видны издалека. По другую сторону дороги здесь большая арабская деревня, но в ней огней почти нет – с наступлением темноты местные жители ложатся спать. Вероятно, не спят в здешнем покое и тишине только совсем уже отмороженные перспективные террористы, набивающие взрывчаткой пояса смертников в своих потаённых подвалах. Но к дороге они вряд ли рискнут приблизиться – движение ночью практически прекращается, а постоянно патрулирующие местность армейские джипы вряд ли для них лёгкая добыча.

А вот и Ольга, настороженно присевшая на придорожный камень. Вижу, как она поёживается от прохлады и вглядывается в приближающиеся огни фар.

– Ну наконец-то, – облегчённо вздыхает она, усаживаясь со мной рядом, – а то я уже решила, что буду куковать тут до рассвета.

– Как же ты так умудрилась, мать? – усмехаюсь я. – Тебе говорили подождать тремп на перекрёстке, а ты отправилась в поход самостоятельно.

– В этом есть какой-то криминал? – Ольга удивлённо смотрит на меня и тянется за сигаретой из моей пачки. Свой-то она выкурила, пока ожидала меня, сидя Алёнушкой на камушке.

– Криминала нет, но... – я пожал плечами и включил зажигание. – Понимаешь, здесь не принято своими ножками передвигаться по дорогам. Арабы – те могут, для них опасности никакой. А мы... Вот наши и не хотят подвозить. Не за ту приняли.

– Но у меня же внешность совсем не арабская! – протестует Ольга. – Какие могут быть сомнения?

Внешность Ольги и в самом деле чисто русская, тем более из евреев у неё только бабушка, вся же остальная родня – коренные уральцы.

– Понимаешь, – принимаюсь втолковывать я, – очень многие арабы учились в Советском Союзе и привезли оттуда русских жён. Так эти дамочки не только нахватались ненависти к евреям от своих благоверных, но и стали ещё большими антисемитками, чем мужья.

– Отчего это так? – недоумевает Ольга. – Хотя я и в разводе со своим мужем, а он, как ты знаешь, еврей в стопятидесятом поколении, но ведь не превратилась же в антисемитку! А уж поводов для этого предостаточно. Кровушки из меня мой бывший муженёк попил похлеще, чем иной араб...

– То-то и оно, – усмехаюсь я, – ты живёшь в относительно комфортных условиях даже после развода, а эти дамы погрузились тут в такую грязь, что им раньше и не снилась.

Хотели через мужа-иностранца выбраться на свет божий, Запад поглядеть, а вляпались в такое дерьмо... Вот и завидуют таким, как ты. Но ничего изменить не могут даже в перспективе. Ребятишек нарожали, и назад им дороги нет.

– Да-с, – Ольга выпустила струю сигаретного дыма и задумалась. – Ну и куда мы сейчас поедem?

– К твоим друзьям в поселение.

– А солдат на воротах?

– Как-нибудь объяснюсь с ним. Покажем ему твои документы, и он поймёт...

Поздним вечером мы пили чай у Ольгиных друзей из поселения, которые и в самом деле оказались очень милыми и приятными людьми. Хозяин дома Ави, отставной офицер-парашютист, работал на стройке в Иерусалиме. Его жена Галя училась вместе с Ольгой в Уральском университете, но сейчас не работала, потому что найти работу в поселении не так просто. Да и вообще учительнице русского языка и литературы найти что-нибудь близкое по специальности тут весьма проблематично. Если уж отставные парашютисты работают простыми каменщиками...

– Пора, наверное, отправляться спать, – вздохнул Ави после второй чашки чая и перевернул её вверх дном. – Так у вас, русских, кажется, делают, когда больше не хотят пить водку?

– Так, да и чай не водка – много не выпьешь! – рассмеялись мы и встали из-за стола.

– Пойдём на воздух, покурим, – позвала меня Ольга. – Оставайся здесь, переночуешь. Куда ты на ночь глядя?

И в самом деле, было уже довольно поздно, и если возвращаться домой, то дорога займёт не меньше часа, а там несколько часов на сон, и снова возвращаться сюда. Ну, не точно сюда, а в соседнее поселение.

– Хозяева не обидятся? – спросил я.

– Нет, ты же видишь, какие они люди.

Мы ещё долго сидели с Ольгой и курили, глядя на луну и редкие мерцающие огни под горой. Было настолько тихо, что мы слышали, как ветер покачивает ветки молодых ёлочек, спускающихся вниз от крайних домов к ограде.

– Странные они какие-то всё же люди, – задумчиво проговорила Ольга, – не пойму их. То всей душой к тебе, а то даже близко к воротам не подпускают.

– Ну, причины-то тебе ясны, – ответил я, – жизнь их вынудила.

Ольга помолчала, а потом вздохнула:

– И всё равно не пойму. В голове не укладывается. Словно в разных мирах живём...

Некоторое время она разглядывала холмы, на многие вёрсты расстилающиеся вокруг, но во мраке были видны лишь редкие огни на горизонте, но и те потихоньку тонули в спускающемся тумане. Неожиданно зевнув и потянувшись, Ольга привстала и вдруг затянула тоненьким девичьим голоском:

Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит...

На глазах у меня почему-то навернулись непрошенные слезинки, но я знал, что Ольга не увидит их в темноте. А если увидит, то наверняка ничего не скажет.

Игорь Хентов

Поэт, музыкант, член Союзов писателей Израиля и Москвы, журналистов России.

Окончил Ростовский государственный музыкально-педагогический институт по классу альты (ныне Консерватория им. С.В. Рахманинова) и филологический факультет Ростовского государственного университета. Работал артистом и директором симфонического оркестра Ростоблфилармонии. Был солистом концертного отдела Федерации еврейских общин России. Награждён медалью «Профессионал России».

Его первый поэтический сборник «Ты и я» стал лауреатом фестиваля «8-я Артиада народов России» (Москва). Автор поэтических циклов: «Иудейский», «Хроника беды», «Абрисы», «Города и страны», «Вехи любви», «Басни и притчи», сборника новелл, более 2000 афоризмов и эпиграмм под общим названием «Хентики». Автор более 100 песен, многие из которых стали хитами российской эстрады и исполнялись в телефильмах. В 2015 году его поэма «Боль Земли» для симфонического оркестра, детского и смешанного хоров (музыка композитора Игоря Левина) стала лауреатом конкурса им. Д.Д. Шостаковича.

Письмо Евгению Евтушенко

Здравствуйте, Евгений Александрович!
То, что жизнь – подобье шапито
Или, в лучшем случае, театра, Вы
Знаете, пожалуй, как никто.

Амплуа Вам ведомо любовника,
Что любому к чести из мужчин,
И, ни на мгновенье, не чиновника,
Хоть, наверно, был тому почин.

Пишут ныне ушлые газетчики
Массу запредельных небылиц
О партийцах и антисоветчиках,
О парящих ввысь, лежащих ниц,

И смакуют, что в числе участников,
Вкладывая душу в ярый стих,
Были всех чужих Голгоф и праздников
(Думаю, что чаще средь своих).

Во Вселенной век – одно мгновение,
Бусинка средь Млечного Пути,
Но за поколеньем поколению
Суждено дорогами идти

Соньки, декабристов, Изи Крамера
Из такой любимой «Братской ГЭС»,
Чтоб взрывались газовые камеры
В толпах новоявленных СС,

Чтобы мир, измученный джихадами,
Вновь обрёл покой, а с ним уют,
Чтоб любовь бурлила водопадами
Там, где «снеги белые идут».

Плоть и дух друг с другом рьяно борются
Издавна, на совесть, не за страх.
Денно пусть за Вас и ночью молятся
В синагогах, кирхах и церквах!

Я прошу того, кто правит Вечностью,
Сил Вам дать вести с цинизмом бой,
И мечтаю, чтобы в бесконечности
Он услышал тихий голос мой.

P.S. ...И восстали павшие в душе моей,
Тлеющий костёр раздув в пожар.
Истово поёт кадиш седой еврей.
Слёзы. Боль. Менора. «Бабий Яр».

Симфония Брамса

Конский волос лишить канифоли,
И струна со смычком замолчат.
Без любви, и надежды, и воли
Души в клетке беззвучно кричат.

Где-то мир, равнодушный, огромный,
С оголтевшей чредой новостей.
В нём, спешащие к солнцу, хоромы
Восстающих из грязи князей,

Достиженья безоблачной мысли,
Сны до времени дремлющих бомб,
И грозящий артерии жизни
Геноцида томящийся тромб,

Кровь на древе содружества наций,
Рты голодных, но верных траншей,
Палестинский юнец-камикадзе,
Рвущий в клочья еврейских детей.

Души всё же мечтают о небе.
Им ворваться б в бескрайний простор
И увидеть широкие степи
В окруженьи незыблемых гор.

И на этом эпическом фоне
Суть явлений постичь без прикрас,
И услышать одну из симфоний
Музыканта с фамилией Брамс.

Опавшие листья

Осенней ночью приутих Монмартр,
Как, впрочем, вся французская столица,
Лишь падали, кружась, с каштанов листья,
Собою украшая тротуар.

Звучало в тишине: «Люблю, прости,
Я разведусь – так дальше невозможно!»:
Под фонарём, забыв про осторожность,
Статистку режиссёр сажал в такси.

Опустошив в борделе портмоне,
На вычурной скамье, обняв треножник,
Пил «Божоле» непризнанный художник
С привидевшимся призраком Моне.

Мня, что Париж – основа всех основ,
Оказывая честь самой Вселенной,
Несла неторопливо воды Сена,
Вся в обрамленье спящих парусов.

А в ресторане было не до сна:
Любезничала скрипка с саксофоном,
И негр во фраке сладким баритоном
Пел вечный блюз мсье Джозефа Косма.

Агасфер

Я никогда не ведал лжи и страха, —
Посланник смертным недоступных сфер,
Где звёздные поля и бездны мрака.
Я вечный, к сожаленью, Агасфер.

Я видел Колизей, паденье Рима,
И что творил в конце пути Нерон,
Мне как-то меч бродяги-пилигрима
Пытался нанести, глупец, урон.

В садах Версаля, в вычурных гостиных
Я толковал с Вольтером и Дидро
И с Ротшильдом изысканные вина
Порою дегустировал в Бордо.

Я воевал в отрядах Вашингтона,
Когда явил своё паденье Юг,
В Сибири тяжесть сталинского трона
Давила мне на плечи среди вьюг.

Я жить устал. Мне бы уйти хотелось
Туда, где бесконечного предел.
Но есть ещё одно на свете дело,
Которое достойно многих дел.

Хочу закрыть своим бессмертным телом
Путь в бранный мир бандитам всех мастей,
Чтоб птица в небесах о счастье пела
И золотым руном пшеница зрела.

Я – первый и последний средь людей...

Лётчики

Так случилось, что Саша Левин и Володя Ивлев познакомились в детском доме. Сашины родители (младшие научные сотрудники проектного института) мгновенно погибли в одной из тех нелепых автомобильных аварий, о которых и говорить страшно: пьяный в дымину тракторист, не включив фары, выскочил на просёлочную дорогу. Володина мама – восемнадцатилетняя пьяница – отказалась от ребёнка ещё в роддоме.

Естественно, Саше, угодившему в доброжелательные руки госструктур в десятилетнем возрасте, было нелегко: он не умел курить, пить, красть и ругаться отборным матом. Володя всё это умел, но какая-то далёкая генетическая линия позволяла это делать только в крайнем случае и без удовольствия (кроме курить, конечно). Ещё Володе было присуще сострадание (та же самая линия подвела), и ему с первой минуты захотелось помочь домашнему незнакомому мальчишке с черными, как маслины, глазами, на которого сразу обрушился мат великовозрастного Васьки, имевшего заслуженное погоняло Кувалда. В результате Володя лишился переднего зуба, а глаз Кувалды на неделю потерял способность видеть. Будучи свидетелем и поводом безжалостной драки, Саша ясно понял одно: с этой минуты во всём этом страшном мире у него появился друг. А дальше история эта приняла предсказуемый характер: Володя учил Сашу приёмам бескомпромиссного уличного боя, а Саша рассказывал Володе истории, слышанные от родителей и прочитанные в книжках.

Дружба их крепла день ото дня, и со временем не только Кувалда, но и Сизый, отсидевший по малолетке за изнасилование, уяснили, что этих двоих лучше не трогать. В классе Саша учился лучше всех. Володя из троечников стал хорошистом. Правда, года через три их дружбу чуть не омрачила юношеская первая любовь к Оле – красивой статной девочке, дочери известного правозащитника, случайно погибшего при невыясненных обстоятельствах. Оле, если честно, больше нравился Саша, ставший кудрявым черноволосым красавцем, а Саша... твёрдо знал одно: никогда, даже если его сердце разорвётся от горя, он не причинит боль своему другу.

А буквально перед вручением аттестатов в школу явился бравый военный с погонами майора ВВС. Ни Саша, ни Володя не раздумывали ни минуты и, блестяще сдав вступительные экзамены, поступили в Высшее военное лётное училище истребительной авиации (конечно же, Саше помогло сиротское настоящее, ибо фамилия в те поры аристократической военной карьере явно не способствовала).

Курсанта Александра Левина вызвали в кабинет генерал-майора, начальника учебного заведения, в самый неподходящий момент: Саша как раз собирался в увольнение, радостно предвкушая свидание с кареглазой Ирочкой, студенткой пединститута. В кабинете помимо генерал-майора находился человек среднего роста с бородкой и в золотых очках. Увидев Сашу, человек вскочил со стула, и слёзы покатались по его выразительному лицу. Так Саша познакомился со своим дядей, о существовании которого не только не слыхивал, но и не догадывался.

Семья Соломона Гаркави выехала в Израиль чудом ещё в шестидесятые из Минска и вкусила все тяготы, выпавшие на долю алии того времени. Шломо строил, шоферил, воевал, но, закончив юридический факультет университета, стал на ноги и приобрёл статус одного из самых успешных адвокатов страны.

О трагедии семьи Левиных – неведомых дальних родственников – Шломо узнал от престарелой родственницы, коротающей век в Хайфе. Она показывала фотографии, и в чертах лица маленького сироты он ясно увидел профиль своего рано ушедшего отца и понял, что пока он не увидит Сашу, не обнимет и не окружит заботой, жизнь его будет лишена смысла.

Жизнь же лихого истребителя-курсанта Александра Левина перевернулась в один миг. Надо было что-то решать. С одной стороны Володя, Ирочка, самолёты, а с другой... Другая сторона взяла верх. Видимо, она называлась «зов крови».

Истребитель лейтенанта Алекса Левина в составе эскадрильи «Миражей», составляющих основу военно-воздушного флота страны, набрал высоту и взял курс. Война Судного дня с безумной скоростью набирала обороты. Перед Алексом, как и сотнями иных лётчиков, артиллеристов, танкистов не стояли вопросы – только цель: победа любой ценой, ибо на карте жизни было существование страны, занимающей мизерное пространство, но являющейся форпостом между цивилизацией и средневековьем.

«Миги» показались почти сразу. Поговаривали, что за их штурвалами встречаются не только египтяне, сирийцы и иорданцы, но попадают и советские инструкторы, брошенные в пекло войны ради призрачных интересов недальновидных политиков.

Самолёты закружились в карусели, столько раз описанной баталистами в военных романах. Алекс ушёл от ракеты, выпущенной одним из «Мигов», зашёл ему в хвост и дал залп. Ракета точно нашла цель, и «Миг» перестал существовать. Воздушный бой недолог. Минут через десять немногие оставшиеся в строю «Миги» скрылись из зоны видимости. На базе Алекс получил очередную благодарность от командования и был счастлив.

А в далёком среднерусском городке жене Володи Ивлева Оле в военкомате сообщили, что её муж и отец маленького Сани, старший лейтенант Ивлев Владимир пал смертью храбрых. За кого пал и почему, военком не сказал. Видимо, не положено было.

Иногда неведение прекрасно. Если бы офицер Алекс Левин узнал, с кем он обменялся ракетами, у него наверняка разорвалось бы сердце сразу же после залпа.

Александр-Ошер Штейнберг

Поэт, член Союза писателей Израиля, автор книги «Рассыпал месяц бисер звёзд...» Поэтический сборник в 4-х частях.

По профессии авиационный инженер, родился 07.08.1964 года в Ашхабаде, столице Туркмении (СССР), где и начал свои первые шаги в творчестве.

Окончил Академию гражданской авиации СССР в городе Ленинграде (в данное время Санкт-Петербург). Учёба и жизнь в Ленинграде сыграли большую роль и оказали основное влияние на лирический характер его творчества.

В Израиле с 1996 года, здесь поэт открылся с новой стороны, развил свой талант и обогатил свои строки новыми переживаниями, остротой ощущений, философией любви, разочарований, потерь и новых бесценных приобретений!

Александр-Ошер Штейнберг – лауреат, дипломант всесоюзных и республиканских конкурсов, в том числе и первого творческого конкурса в Израиле «Ашдодская весна» и многих других премий и конкурсов. Печатался в газетах, много пишет, как все современные авторы в Сети, имеет своего постоянного читателя в Интернете.

Иерусалим

Здесь свет священный сверху вниз
Струится на святую землю.
И каждый ярый атеист
Вдруг восклицает: «Верю, верю!»

И, припадая вниз к земле,
Целуя вечные дороги,
Он чудо светлое в себе
Вдруг открывает с верой в Бога!

И с просветлённым ликом ввысь
Он руки вскидывает к свету!
Благодарит турист, сбылись
Его мечты, Израиль это!

Иерусалим! О древний град,
И что ж я был таким невеждой?
Теперь я знаю рай и ад,
Всё есть! Но есть и ты, конечно!

27.10.2012

Молитва

Грусть мою не передать
Даже взглядом искренним,
Потому что благодать
Нужно сердцем выстрадать.

Потому что небеса
Ждут от нас раскаянья,
Не простые словеса,
А молитвы пламенной.

Чтоб Господь простить сумел
Все грехи невольные,
И я ангелом взлетел
В небеса просторные,

Где святые ворота
Отворятся с пением.
Принимайте, это я,
С миром и смирением.

По земле ногой прошёл,
Надышавшись осенью,
Испытал любовь и боль
Я душою босою.

Помолился и припал
Я к святым развалинам,
С благодарностью сказал:
Ты велик, я маленький.

Я лежал под голубым
Небом бесконечности
И молил тебя, молил
О любви и вечности...

19.01.2014

Отцу

Мы любим погрустить
И любим возвращаться,
Мы не хотим забыть
И навсегда прощаться.

Присев у старых стен,
Вдруг вспомнится былое,
Как у твоих колен
Любви плескалось море!

Как у ветров эпох
Мы вырывали жизнь,
И на прощанье вздох
Дарили близких письма.

И старое пальто
В заброшенном кармане
Хранило то тепло,
Что руки согревали.

И жёлтый лист в земле
Поспевшим виноградом
Напомнит лишь тебе,
Что забывать не надо...

26.12.2013

Я еврей

Я музейный экспонат
В красной книге человечества.
Браконьеры бьют набат,
Мало их, тут делать нечего.

Сам смываю пыль веков
Каждым утром в душе с ванной.
Послужить стране готов,
Дайте ж службу мне нормальную.

Вот хожу типичный вид,
Кровь сдаю свою еврейскую,
Голубая кровь кипит,
Очень древняя, библейская.

Помолись со мной, бедняк,
У богатых нет и времени.
Может, я молюсь не так?
Но здесь дело не в умении.

Я музейный экспонат,
Крик души, молитва Господу.
Не прошу себе наград,
Лишь бы жил народ мой по свету.

Чтоб звучал еврейский смех
Над святой землей намоленной.
Жить хотим не лучше всех,
Но свободными и вольными.

Свет тебе Иерусалим,
Боль души, любовь и истина,
Каждый сын и дочь любим,
Третий Храм я в сердце выстроил.

Приезжайте к нам в музей,
Мы такие в мире разные,
Здесь еврейка и еврей
Строят дом свой, словно пазили.

Мой Израиль, ты любовь,
Может быть, неразделенная...
Но бежит по жилам кровь,
Я еврей, и это здорово!

09.03.2009

Скрипка

В канифоли мои руки,
Музыка дождя,
Я скрипач, и эти звуки
Сердце льёт любя.

Воедино я сплетаю
Пенье райских птиц,
Как они, и я летаю
Взмахами ресниц.

По щеке слеза бежала,
Чувствуют глаза,
На траву она упала,
Прямо как роса.

И закаты, и рассветы,
Таинство смычка,
Скрипкою моей воспеты,
Дней течёт река.

Волосы мои седые
В струны натяну,
Мои пальцы золотые
Тронут тишину.

И опять воспоминанья
Хлынут как вино,
По пути нам расставанья
Пережить давно.

Но пробьётся молодая
Ветка из земли,
Снова скрипка заиграет
Звуками любви.

Знает ветка, что корнями
Дерево сильно,
И напоено дождями
Музыки тепло.

Помнит руки моя скрипка,
Помнит сердце боль,
Но и радость и улыбку,
Да любви огонь.

Сменит век своих героев,
Сменит рук тепло,
Но бессмертие святое
Скрипке суждено.

Наполняется душою
И смычка полёт,
Кровью бьется молодою
И опять живёт.

Ну, а я усну когда то
На твоей груди,
Не буди меня, не надо,
Душу лишь прими...

09.06.2009

Радость Торы

К тебе, святой Иерусалим,
Несу тепло своих ладоней,
Мой храм восстанет из руин
И станет ближе к богу вдвое!

Я окунусь в твою любовь,
Я воспою к тебе молитвы,
И с камнями сольюсь я вновь,
Лишь сердце бьется в общем ритме.

Бушует истинная страсть,
Всё неподдельно в этой вере,
И никакая в мире власть
Не управляет здесь евреем.

Молитва истинной любви,
Молитва истинному богу,
И зажигаются огни,
И каждый обретёт дорогу.

По ней пойдём мы не дыша
И прикоснёмся до святого!
Здесь у стены нам небеса!
Господь! Еврей! И наша Тора!

29–30.09.2010

Вера Горт

Родилась в Киеве. Училась в общеобразовательной и музыкальной школах, занималась плаванием, была юннаткой в Киевском зоопарке. После школы поступила на работу чертёжницей на судостроительный завод, затем стала студенткой Горьковского судостроительного института и перевелась на дневное отделение. Стала работать инженером всё на том же заводе, где и проработали всю жизнь ее дед, мать и отец.

По приезду в Израиль (1973 г.) занялась серьёзнейшим образом литературой. Выпустила две книги: одну академическую книгу псалмов, за которую получила премию им. Давида Самойлова, и книгу собственных стихов и поэм «Вещи и вещицы».

Переводила Галактиона Табидзе и других авторов. Является членом Союза писателей Израиля, редактором нескольких альманахов.

Живет в Атлите, под Хайфой.

29 сентября – день Бабьего Яра

Лукьяновка

Киев. Сентябрь. 1941 год. Семья, проживавшая на улице Лукьяновка (Артёма), решается на побег из занимаемого немцами города.

Их четверо:

Захар Аронович Зельдич – отец – 40–45 лет.

Ева Зельдич – мать – 35–40 лет.

Рая – дочь – 14 лет.

Изя – сын – 7 лет.

Они наняли подводу и двинулись прочь от Киева по неким просёлочным дорогам. Где-то подвода опрокинулась, и при этом Захар сломал ногу. Они вернулись обратно, и тут же соседи выдали их немцам. Семью вывели во двор и приказали рыть яму. Захар рыть не мог. Ева рыла одна под взглядами смотревших из окон и стоявших вокруг соседей. Захар сидел на земле. Изя играл на выброшенной матерью свежей земле.

Ещё недавно умный мальчик Изя начинал играть на скрипке...

Захар – был полным, высоким, лысым, и где-то – по фразе моей бабушки – в курортном киоске «очень красиво покупал и пил» виноградный сок.

Ева – была хорошенькой, модно коротко стриженной, но почему-то любила запах испорченных яиц – сероводород – один из первичных при образовании планеты.

Это и всё, что я о них знаю. И так я их вижу. Запомните и вы их милые индивидуальности!

Рае – блондинке с голубыми глазами – удалось с помощью дворовых подружек отдалиться от этого зрелища гибели родителей и брата. Она оказалась на улице, где играла музыка и грузовики заполняли кузова увозимой в Германию молодёжью. Ей пришлось, зная о том, что в её родном дворе расстреливают мать, отца и брата, сбрасывая их в вырытую матерью могилу, – танцевать с немецкими солдатами. Она была поднята на грузовик и увезена в Германию.

Рая под вымышленным именем провела в жестоком рабстве в Германии 4 года на некой ферме, где жила и питалась со скотом.

Она познакомилась в 18 лет с бежавшим из плена советским солдатом Григорием Елькиным из Башкирии. Вместе они продолжили его побег и после многих скитаний оказались в 45-м году в Киеве – в нашей семье, на Подоле, на ул. Воздвиженской, т. е. в семье её (Раиной) тётки – моей бабушки. Моя бабушка была родной сестрой её отца. Мы к этому времени вернулись из эвакуации – из г. Зеленодольска (Татарстан). Рая была на 9-м месяце беременности. Она осталась у нас, чтобы в киевской больнице родить ребёнка, а Григорий уехал в своё село в Башкирию к своим родным, договорившись с Раей, что будет ждать её там с ребёнком.

(Помню, как мама и Рая нервно собирались на площадь Богдана Хмельницкого смотреть, как будут вешать немцев. Потом они рассказывали, что один из пятерых, которому было всего 23 года, умолял пощадить его).

В Башкирии, однако, мать Григория не могла согласиться с выбором сына. Она подготовила ему в жёны девушку своей национальности, и Григорий женился. Но он написал об этом Рае в Киев. Рая, взяв новорожденного сына Вадима, метнулась поездами в данное башкирское село.

(Это – неважно, но так было: Рая прихватила с собою мамино коричневое плиссированное платье с прикреплённой к нему фосфорической брошью – парусным корабликом, светившимся в темноте, – предмет моего обожания. Это был трофей из Германии, приве-

зенный в подарок моей маме Любове Полонской её родным братом – Исаком Полонским, отвоевавшим танкистом 5 лет, начав ещё с Финской войны. Он вернулся с 5-ю медалями и с частыми эпилептическими ночными припадками – следствием ударной волны, направленной в его танк. (Второй танкист тогда – погиб). Да, я, пятилетняя, уже знала, что это – воровство, и очень удивлялась, почему в семье никто не произносит этого слова применительно к данному случаю, а как-то наоборот, качают головой, приговаривая (имея в виду это платье): «Ей (Рае), конечно, нужнее...» Через недели две от Раи пришло письмо с извинением за прихваченное мамино платье и с сообщением, что в поезде её всё равно обокрали...

Григорий – к его чести – тут же избавился от своего скоропалительного брака и женился на Рае. Они переехали в город Кумертау и прожили жизнь в достаточно счастливом браке. У них родилась затем дочь Алла и был ещё третий ребёнок.

Связь между нашими семьями существовала. Ведь Рая и моя мама были дружными с детства двоюродными сёстрами! Несколько раз, возвращаясь с летнего отдыха на Чёрном море, они всей семьёй останавливались у нас – в Киеве – на пару дней... Мы посылали ей платья, блузки, получая в ответ мёд, лесные орехи... Я помню, как однажды я просто сражалась в толчее в Московском Пассаже, пробиваясь к прилавку, чтобы купить несколько абсолютно прозрачных нейлоновых блузок – с чёрной вышивкой – для прикрытия самых выпуклых мест женской груди. Я пробивалась, подсчитывая в уме – кому сколько: маме, себе и, конечно, Рае... и обдумывая в то же время: да что же это такое? На чьё усмотрение выставляется почти в открытую эта так называемая женская прелесть? Как уродлива жизнь! Как двулична! Ведь совсем недавно – эти идеальные сокровища (редко), расплывшиеся (чаще), грубо пышные, жирные, либо худосочные, просто никакие – вровень с сутулыми плечами, в неподходящем сочетании с юбками и туфлями – были просто ненужными житейскими отходами, отбросами для гниения среди массы тел в вогкой земле, например, Бабьего Яра... Что вдруг изменилось? Почему такая заварушка в строгом столичном универмаге? А Рая – полная, уже трижды рожавшая... – как она будет выглядеть? И... зачем... вообще... как-то... выглядеть?..

Что до меня, то я – никогда – с 5 лет – не чувствовала себя стопроцентным человеком на планете. Хронический страх – слабее – сильнее – мешал ежесекундно. Собой никогда не была счастлива. Есть у меня две строки – о моём яростном детском крике (от обиды на мать, не пустившую войти в море – «к ожидавшему меня на мели Посейдону»), о моей книге «Вещи и вещицы», содержащей... пусть мнимое, но мощное счастье и настоящее горе, да и обо мне самой, оглядывающейся на прошлое: кто же была я на этой планете? Человек? – Нет! но некий полуявный, мелькавший то здесь, то там, бессмысленно шумный – тысячежворонковый форшлаг, оттрепетавший на высоких нотах...

Перед моим отъездом в Израиль (в 1973 году) Рая прокляла меня «за измену Родине», так как затаила огромное зло на весь мир, за исключением СССР.

Прошу добавить к списку замученных – этих трёх моих родственников-киевлян:

Захар Аронович Зельдич – 40–45 лет, отец.

Ева Зельдич – 35–40 лет, мать.

Изя Зельдич – 7 лет, сын.

Они – над вырытой для них матерью могилой – были расстреляны, затем – закопаны, преданные соседями, в своём родном дворе на Лукьяновке (Артёма) в Киеве в сентябре 1941-го года.

Как они выглядели, я знаю, т. к. их портреты всегда висели на стене нашей подольской полуподвальной квартиры – при грусти всей семьи и каждодневных слезах моей бабушки.

Александр Анатольевич Перчиков

Родился в 1955 г. в России, г. Самара (тогда г. Куйбышев). В 1978 г. окончил Куйбышевский авиационный институт, специальность АСУ. С 1990 г. живет в Израиле, работает инженером-программистом.

Автор трех книг стихов и документальной прозы, вышедших в России (г. Самара) в 1987 – «Неосторожная звезда», в 2004 г. – «Город любви», в 2011 г. – «Мы уезжали навсегда». Член Международного союза писателей Иерусалима (МСПИ) и СРПИ. Член редколлегии журналов «Литературный Иерусалим», «Литературная губерния» (г. Самара, Россия).

Автор многих публикаций в периодической печати: в Москве (журнал «Студенческий меридиан», газета «Комсомольская правда», альманах «Истоки», газета «Информпространство» и др.), С.-Петербурге («Антология живой литературы»), «Русское эхо» (Самара), в США (газета «Новое русское слово», альманах «Встречи»), в Израиле (журнал «22», «Год поэзии-2008», «Звездный ковчег» – 2 том, «Литературный Иерусалим» (2008–2015 гг.), в переводах на иврит (сб. «Мадригот – 2, 3») и др.

Победитель нескольких поэтических конкурсов (им. Л. Рудина в Иерусалиме, «Самарские судьбы», г. Самара, Россия).

«На берегу Эйлатского залива...»

На берегу Эйлатского залива
Я отрешусь от будничных забот,
Я стану мудр, как старая олива,
У кромки моря, взглядом на восход.

Под музыку, струящуюся свыше,
У берега морского на краю,
Мы сделаемся праведней и тише,
Спокойнее и лучше, как в раю.

Себя врачуем музыкой Эйлата,
И сможет все в одно соединить
Прозрачная мелодия Булата —
Из прошлого серебряная нить.

«Я праздники считаю по старинке...»

Я праздники считаю по старинке,
Из детского беру календаря.
Я не забыл, как падают снежинки
В раскрытые ладони января.

Цветных гирлянд мерцание живое,
И этот миг, когда из мишуры,
Как обещанье чуда, в свежей хвое
Являются волшебные шары.

Но плыли мы путем своим окольным,
Подвластны тяге к перемене мест.
Вдали растаял звоном колокольным
Почти забытый русский благовест.

Здесь праздники иные на примете,
Явившиеся исподволь, как сон,
Они глядят из глубины столетий
И вложены в спирали хромосом.

Одни из них суровы, будто судьи,
В других – преданий каменная нить,
Что вплетена навеки в наши судьбы,
И с ними нас нельзя разъединить.

Все праздники, что есть у нас на свете,
Пусть продолжают петь и ворожить.
Мне дороги и близки те и эти,
И самый главный праздник – просто жить.

«Оживи меня, Мертвое море...»

В. Добрусину

Оживи меня, Мертвое море,
Чашу соли своей поднеси,
Раствори в изумрудном растворе,
От беды и от боли спаси.

Защити от борьбы и погони,
От навета и злобы пустой.
Покачай на соленой ладони
И негромкую песню напой.

Ты – слияние древних загадок
И биенья усталых сердец,
И спускается, тонок и сладок,
Синий вечер в гранитный ларец.

И выходят библейские тени
Из пещер, как в былые года,
И горит, как над царствами теми,
Над Израилем та же звезда.

«Иерусалим, моя столица...»

Иерусалим, моя столица,
Мой город, вечный и святой,
Ложится отблеском на лица
Твой свет прозрачно-золотой.

На эти каменные своды,
Соцветья башен и окон,
Ты весь – явление природы,
Ее таинственный закон.

Как обещание кому-то
Шептали глухо, как в бреду,
Среди погрома и галута —
«Мы будем в будущем году...»

И через пыль тысячелетий
Целебен воздух твой и сух,
И прорастает Храм твой третий
Надеждой, высказанной вслух.

Как сквозь века ты смотришь строго,
Печален и неумолим,
И слышу я дыханье Бога
В тебе, мой Иерусалим.

«Спотыкается дорога о холмы Иерусалима...»

*Спотыкается дорога о холмы
Иерусалима...*

Леонид Рудин, иерусалимский поэт

Спотыкается дорога о холмы Иерусалима,
То спускается полого, то взлетает в облака.
Здесь заветная долина, что влечет неодолимо,
Здесь рукой подать до Бога, здесь он есть наверняка.

Тут, под куполом небесным,
Что повис над черной бездной,
В мире шумном и железном
Он укроет нас от бед.

Мы свою заплатим цену,
Положив записку в стену,
Но цены свободе духа
И свободе веры нет.

Будут виться, как живые,
Эти улочки кривые,
Как картины вековые
В обрамленьи древних рам,
И прорежет ночь, как бритва,
В сердце тайная молитва,
Чтоб вела к победе битва,
Чтобы вырос Третий Храм.

Так живем мы, как под током,
В этом городе высоком,
Под его незримым оком
Золотую тянем нить.
Где теперь величье Рима?
А холмы Иерусалима
Были, есть и будут жить.

«По горной царственной дороге...»

*...По горной царственной дороге вхожу
в родной Иерусалим...*

С.Я. Маршак

По горной царственной дороге
Вхожу в родной Иерусалим.
Мой посох стерт, устали ноги,
Но голод мой не утолим.

Я припаду к его истокам
И вверю я свою судьбу
Его царям, его пророкам
С небесной меткою на лбу.

Не зря мы шли из дальней дали,
Холодных северных широт,
Чтоб утолить свои печали
У Яффских каменных ворот.

Тумана белые одежды
Укроют древние холмы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.